

В этом состоит *историческая релевантность* психологических исследований в ИП РАН», как отмечено в докладе [Журавлев, 2007, с. 1].

А.Л. Журавлев подчеркнул, что свидетельством сегодняшнего внимания к истокам и различным этапам формирования научной школы ИП РАН являются две серии научных изданий, первые выпуски которых были подготовлены издательством «Институт психологии РАН» к данному юбилею: первая — это «Выдающиеся ученые ИП РАН», начало которой положили издания важнейших трудов К. К. Платонова, А. В. Брушлинского, В. Б. Швыркова, Б. Ф. Ломова и В. Н. Дружинина; вторая — «Научные школы ИП РАН», в которой вышел в свет большой труд, подготовленный под руководством Д. В. Ушакова и посвященный исследованиям психологии творчества — Школе Я. А. Пономарева. Все эти работы выполняют методологические функции в организации современных исследований в ИП РАН.

О сохранении преемственности в развитии современной российской науки говорит и А. Н. Ждан: «Сложившиеся в советский период концепции продолжают определять ситуацию в области научных исследований и в преподавании» [Ждан, 2006, с. 70].

А.Л. Журавлев в цитируемом докладе наряду с исторической релевантностью отметил высокую социальную релевантность психологических исследований ИП РАН, их значимость для развития психологической науки и общественной практики, а также баланс теоретических, эмпирических и ориентированных на практику исследований, достигнутый благодаря следованию методологическому принципу единства теории, эксперимента и практики, обоснованному в трудах Б. Ф. Ломова.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская психологическая наука преодолела к настоящему времени существенную часть негативных тенденций, которыми были отмечены 90-е годы, и движется по пути развития, сохраняя преемственность по отношению к достижениям прошлого и избавляясь от былых ограничений и недостатков. В этой связи в качестве первоочередной видится задача ее полноценной интеграции в контекст мировой науки, пути решения которой остаются предметом разногласий. А. Н. Ждан отмечает: «В современной России психологи предпочитают говорить о единой науке, не подразделяя ее на «нашу», отечественную, и западную» [Ждан, 2006, с. 69]. С этим нельзя не согласиться. Однако несимметричность идущих процессов интеграции с зарубежной психологией заставляет задуматься о том, каким будет место и значение отечественной науки в контексте мировой психологии? Войдем ли мы туда как «развивающаяся» провинция или как самобытное направление, как одна из великих школ XX века?

1.4. О мотивах и проблемах интеграции отечественной психологии в мейнстрим

Вопрос о месте российской психологии в мировой науке и неразрывно с ним связанный вопрос об интеграции в мировой мейнстрим сегодня мало кого оставляют равнодушными, тем более что формальные оценки результатов деятельности отдельных российских ученых и коллективов все в большей степени «привязываются» к наличию или отсутствию публикаций в иностранных журналах и ссылок

в них на труды россиян. Адекватность такого рода критериев, как и в целом необходимость жесткой ориентации на мейнстрим, закономерно вызывают сомнения среди российских психологов и требуют анализа, который представлен в ряде публикаций [Мироненко, 2005; 2007; Сироткина и Смит, 2008; Юревич, 2008; 2009; 2010]; среди них мы особо отметим работы А. В. Юревича, где проблема путей интеграции и применимость выше названных критериев для оценки деятельности российских ученых рассмотрены в широком контексте социальных процессов, происходящих в профессиональном сообществе.

А. В. Юревич отмечает, что в настоящее время среди российских психологов имеют место как «глобалистические», интеграционные, так и «контрглобалистические», изоляционистские, тенденции: «Прямолинейный западцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться в западную путем стирания национальных особенностей российской науки, дополнился столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму» А. В. Юревич [Юревич, 2010 б, с. 55].

Более того, в настоящее время «контрглобалистические» тенденции в российской психологической науке усиливаются: «Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принеся антизападнические настроения, породила новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, — напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке; <...> не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать российские научные журналы и т. п.» [Юревич, 2010 б, с. 55].

Трудно не согласиться с выводом А. В. Юревича о том, что «очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника» и что так же очевидна «необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим», т.е. что целесообразно соблюдение «принципа *оптимума интеграции*» [Юревич, 2010 б, с. 55].

Однако каким должен быть этот оптимум, что следует учитывать при попытках определить этот оптимум, — остается предметом дискуссии. По этому вопросу я и хочу поделиться своими соображениями.

Зачем российской психологии интеграция в мейнстрим? Зачем и кому это нужно (или не нужно) в разнородном российском профессиональном сообществе? Какие идеалы и какие интересы стоят за «глобалистическими» и «контрглобалистическими» тенденциями?

Попытаемся выделить в нашем профессиональном сообществе группы, интересы и идеалы которых представляются более-менее однородными в отношении интеграции с мейнстримом.

В литературе уже обсуждалось различное отношение к мейнстриму отдельных типов ученых: «местников» и «космополитов» [Kornhauser, 1962]; «цеховиков»,

научное знание производящих, и «презентаторов» [Плюснин, 2007]. Мы не будем рассматривать подобные типологии, применимые к представителям любой науки, любой страны и любого времени, а примем за основание для разделения российских психологов на группы в контексте вопроса об интеграции в мейнстрим особенности их теоретико-методологических ориентаций.

Какие же группы, какие «интеллектуальные пространства», представляется возможным сегодня выделить в российском профессиональном сообществе? Какова структура этого сообщества в контексте нашей проблемы?

Современное нам профессиональное сообщество сложилось на развалинах советской психологической науки, которая в 60-е — 80-е гг. XX века достигла состояния парадигмы⁶.

С падением советского государства были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время отчасти насильственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественнонаучного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, хорошо обеспеченный финансово рынок психологических услуг потребителю. На фоне сворачивания программ фундаментальных исследований произошел бум в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой. В монографии «Психологическая наука в России в XX столетии», подготовленной ИП РАН, разнообразие форм и содержания подготовки психологов специально отмечается как существенная характеристика постперестроечного периода в развитии психологии в России.

Таким образом, большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, прямого отношения уже не имеет. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 90-е годы уже более 300 ВУЗов России ежегодно выпускали более 5000 психологов.

Какая часть современного профессионального сообщества владеет ТОЙ теорией и методологией? Очень небольшая. Фактически, овладеть ТОЙ теорией

⁶ «В результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве» (Психологическая наука в России в XX столетии, ИП РАН, 1997).

и методологией можно было, только приняв ее «из рук в руки» от учителей, учитывая то, какую роль играла в психологическом образовании в советский период устная традиция, когда психологи не учились по учебникам, а монографии, по которым они учились, были написаны «эзоповым» языком. Тексты наших классиков, за редким исключением, не «открываются» при прочтении случайным человеком, они писались в расчете на герменевтику, на чтение совместно с учителем, о чем неоднократно указывалось в литературе.

ТОЙ теорией владеет сегодня очень небольшая часть профессионального сообщества, те, кто был этому специально обучен. При этом не все из этих людей остаются на прежних методологических позициях, так что численность этой группы не только не велика — она уменьшается.

Тем не менее первая группа, которую мы выделяем здесь — группа последователей субъектно-деятельностного подхода, как мы ее назовем; она немногочисленна, что не уменьшает ее значимости в контексте обсуждаемой проблемы.

Как классифицировать остальных?

С крушением парадигмы, на фоне сочетания процессов слияния с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества российская психология впала в кризис, распалась и развалилась, так что кажется уместным цитировать слова Н. Н. Ланге, сказанные более ста лет тому назад: «...крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами... Ныне общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. <...> Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» [Ланге, 1882, с. 110].

В отличие от известного кризиса мировой науки, после перестройки в России оригинальные новые, яркие направления не многочисленны. Доминировала, особенно в 90-е годы, ориентация на те или иные направления в зарубежной науке. Мы здесь назовем их последователей «западниками» и выделим в отдельную группу.

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, развившихся в постперестроечный период, назовем христианскую православную, или религиозно-философскую, психологию, которая мощно развивается сейчас, продолжая традиции направления, существовавшего в России в досоветский период.

Таким образом, выделяются три группы ученых, три «интеллектуальных пространства»:

- последователи субъектно-деятельностного подхода,
- последователи национально-специфических теорий («славянофилы»),
- последователи зарубежных школ («западники»).

Заметим, что структура, которая у нас получилась, в большой степени напоминает структуру направлений развития психологии в России в досоветский период, как ее описывает В. А. Кольцова [Кольцова, 1997, 2002]:

- естественно-научное направление («экспериментальная» психология), на основе которого в дальнейшем развивалась психология в советский период;

- эмпирическая психология, для которой характерна ориентация в большей мере не на национальную традицию, а на современные ученым данного направления европейские концепции и методы исследования психического;
- религиозно-философская психология, основанная на идеях и положениях русской богословской и религиозно-философской мысли.

Рассмотрим вопрос об интересах, идеалах и проблемах интеграции с мейнстримом, имея ввиду наше разделение на «интеллектуальные пространства» российского профессионального сообщества.

Последователи зарубежных школ, «западники». Глобалистические тенденции здесь заложены естественным образом. Именно эта группа составила основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 90-е гг., что в не малой степени объясняется мощным выбросом переводных зарубежных учебников на рынок психологического образования, который бурно разрастался в тот период.

Наращение контрглобалистических тенденций в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование многих из этих людей, которое постигло их при попытке выхода на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что уровень многих статей не соответствует требованиям журналов. Это не удивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по переводным учебникам и пересказам, современных западных журналов не читает и потому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу. Можно согласиться с А. В. Юревичем, что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему», однако, причина интереса — не в скрытости или открытости, а в том, что именно мы Западу показываем.

Многие из тех, кто в 90-е ориентировался на западные школы, сегодня ищут новые идеалы.

Однако примеров успешной интеграции среди «западников» достаточно много, и если говорить о публикациях в иностранных журналах как о показателе качества работы ученого, в отношении данной части нашего сообщества этот показатель представляется адекватным.

Последователи национально-специфических теорий. Растущей численностью отличается другая часть профессионального сообщества, которую мы обозначили здесь как «славянофилы». Христианская православная, или религиозно-философская, психология, ряды сторонников которой сегодня ширятся, развивает традиции, заложенные в российской психологии досоветского периода. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности.

Глобалистических тенденций среди представителей этого направления не наблюдается. Контрглобалистические — сильны.

Применительно к данному направлению публикации в иностранных журналах, конечно же, адекватным показателем качества не являются, и стоит ли ставить сейчас задачу «прорыва» на западный рынок — далеко не очевидно.

В то же время, в перспективе кажется вполне возможной востребованность этого направления в мейнстриме. Известно, что те представители российской религиозно-философской мысли, которые были высланы из страны в 1922 г., оказали существенное влияние на развитие мировой науки, в частности на развитие экзистенциализма.

Последователи субъектно-деятельностного подхода. Что определяет глобалистические и контрглобалистические тенденции применительно к этой группе ученых?

Рассмотрим доводы «за» интеграцию.

Во-первых, именно исследования в русле субъектно-деятельностного подхода в максимальной степени соответствуют представлениям зарубежных коллег о российской психологии, их ожиданиям. Общеизвестно, что для Запада российская психология — это, прежде всего, труды таких ее корифеев, как Л. С. Выготский и А. Р. Лурия: «...образ российской/советской психологической науки, сформировавшийся на Западе <...> можно обозначить как представление о том, что российская психология — это труды таких ее корифеев, как Л. С. Выготский и А. Р. Лурия» [Юревич, 2010 б, с. 79]. И именно к этому направлению (Activity Theory) там сохраняется и даже растет устойчивый интерес. В литературе отмечается, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Выготского только возрастает, что проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии [Юревич, 2010 б; Каргов, 2005]. Интерес к тем истокам данного направления, которые на Западе известны, прежде всего к работам Л. С. Выготского, позволяет рассчитывать и на интерес к работам его последователей.

Таким образом, во-первых, ученых, работающих в русле субъектно-деятельностного подхода, на Западе готовы услышать. Во-вторых, им есть что сказать. У российских психологов есть все основания для полноценного участия в диалоге с Западом. Классические теории, известные на Западе, прежде всего теория Л. С. Выготского, развивались и на родной почве, и развитие это было иным, нежели на Западе, и, возьму на себя смелость сказать, российские психологи продвинулись здесь значительно дальше зарубежных коллег. Так, теория Л. С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «...культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность “формирования нового человека” в рамках марксистской психологии, т.е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» [Петренко, 2007 (1999); с. 141].

Помимо диалога в области известных западному читателю теорий представляет интерес и возможность обсуждения ряда теорий, сложившихся в русле

субъектно-деятельностного подхода, которые в России справедливо полагают классическими, и которые остаются на Западе практически неизвестными. Прежде всего я назову здесь теорию Б. Г. Ананьева [Ананьев, 1961; 1968; 1977], содержание которой относится к областям, остро актуальным сегодня на Западе: Life-Span Human Development, Personality Impact on Psycho physiological functions etc. [Миرونенко, 2007; Miironenko, 2009; 2013].

Таким образом, интеграция данного направления в современной российской науке с мейнстримом, как представляется, мейнстримом не только максимально востребована, но и способна его обогатить.

Нужна ли эта интеграция российским ученым?

Возьму на себя смелость сказать, что, *для того чтобы субъектно-деятельностный подход мог развиваться дальше, он должен быть интегрирован в мейнстрим, только так может развиваться эта российская психология.* В самой России сегодня нет необходимых ресурсов, нет соответствующего социального заказа на фундаментальные теоретические разработки такого уровня и такой направленности, нет соответствующих людских ресурсов. Возможно, мы, закончившие университеты до перестройки, — последнее поколение, которое научено понимать эти тексты, владеть этим языком, этим понятийным аппаратом. За нами слой стремительно истончается. Много ли желающих учиться субъектно-деятельностному подходу в современной России? Не думаю, что даже в лучших университетах, сохранивших преподавательский состав, владеющий теорией и методологией субъектно-деятельностного подхода, лучшие студенты стоят в очереди, чтобы заниматься этой проблематикой. Это направление было актуально в другой стране, с другой культурой и другой ментальностью, в других университетах.

Не станет ли «частичная изоляция» от мейнстрима последователей субъектно-деятельностного подхода башней из слоновой кости, отрезанной от источников жизнеобеспечения, от притока свежих сил, от массовой психологической практики и образования в самой России?

Если мы не обеспечим вхождение в мейнстрим разработок субъектно-деятельностного подхода, тех концепций, которые пока не вошли туда, их, скорее всего, ждет судьба артефактов умершей цивилизации. На наш взгляд, интеграция — это вопрос профессиональной состоятельности последователей субъектно-деятельностного подхода и их долга перед учителями.

Однако было бы неправдой сказать, что в группе ученых, развивающих субъектно-деятельностный подход, явно доминируют интеграционные тенденции.

Представляется, что дело в том, что именно применительно к работам данного направления стратегия интеграции сопряжена с максимальными тактическими трудностями. Языковая проблема здесь предстает как проблема перевода понятийной системы нашей научной школы, понятийной системы максимально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, в понятийную систему мейнстрима. Решение этой проблемы предполагает осуществление специальной герменевтики. Нужно объяснить западным коллегам суть наших теорий понятно и на их профессиональном языке (что и по-русски не просто). Но другого пути нет.

Тактика движения к интеграции требует отдельного обсуждения, но соответствующая стратегия в контексте развития субъектно-деятельностного подхода представляется необходимой.

Вопрос о месте российской психологии в мировой науке не сводится к формальным показателям качества работы ученых. Сегодня он является ключевым для профессионального самоопределения российского психолога, с начала своей профессиональной подготовки активно ассимилирующего продукцию зарубежной иноязычной науки и, в то же время, в подавляющем большинстве говорящего и пишущего только по-русски.

В ситуации имеющего место разнообразия «интеллектуальных пространств» российского профессионального сообщества ответ на вопрос об «оптимуме интеграции», об оптимальном сочетании национально-специфического и интернационального в российской психологии не может быть однозначным или, тем более, формальным. В поисках «оптимума интеграции» представляется необходимым учитывать особенности теоретико-методологических ориентаций сообществ ученых, в разной степени соотносящих себя с мейнстримом, так как мотивы, проблемы и сопутствующие факторы в зависимости от их ориентаций оказываются существенно различными.